

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-39-61>

<https://elibrary.ru/WLAOKC>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Воспоминания И.Н. Лобойко о Булгарине и Сенковском

© 2026, А.И. Рейтблат

Новое литературное обозрение,
Москва, Россия

Аннотация: В публикации представлены главы из неизданной редакции воспоминаний историка и филолога, профессора Виленского университета Ивана Николаевича Лобойко (1786–1861), посвященные двум крупным фигурам литературной жизни первой половины XIX в. — писателям и журналистам Фаддею Булгарину и Осипу Сенковскому. По сравнению с опубликованными мемуарами Лобойко эти более поздние (1858–1861) очерки гораздо подробнее, содержат новые детали, передают изменившиеся авторские оценки его коллег по литературному цеху. Лобойко пишет о хорошо знакомой ему учено-преподавательской и отчасти дипломатической среде, вспоминает детали литературной жизни Петербурга, преимущественно 1820-х гг. Публикация снабжена необходимыми историческими и историко-литературными примечаниями.

Ключевые слова: мемуары, И.Н. Лобойко, Ф.В. Булгарин, О.И. Сенковский, биография писателя, литературная жизнь России первой половины XIX в., архивные документы.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат — кандидат педагогических наук, редактор журнала «Новое литературное обозрение», Тверской б-р, д. 13, 123104 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4957-7401>

E-mail: reitblat@nlobooks.ru

Для цитирования: *Рейтблат А.И.* Воспоминания И.Н. Лобойко о Булгарине и Сенковском // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 39–61. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-39-61>

И.Н. Лобойко. Главы из воспоминаний**ФАДДЕЙ БУЛГАРИН**

В 1817 году прибыли в Петербург искать счастья два поляка, один из Испании, другой из Константинополя; один отставным французским капитаном, другой ориенталистом. Оба не тверды были по приезду в Петербург в русском слоге; оба, вошедши в связи с русскими литераторами и учеными, которые руководствовали их в первых опытах, не только сделались сами отличными русскими писателями, но, овладев кормилом русской литературы, явились во главе первых русских журналистов, публицистов, критиков, беллетристов и даже реформаторов русского языка и слога. Это были Tadeusz Bułgryn i Joseph Sękowski, издатель «Библиотеки для чтения».

Фаддей Венедиктович Булгарин первоначально обучался в малолетстве в доме родителей своих, в Белоруссии; потом отдан был в Первый кадетский корпус, откуда выпущен офицером в уланский полк, состоящий под командою Цесаревича Великого князя Константина Павловича. Одаренный телесными и умственными совершенствами, человек молодой, красивый, с военным воспитанием, мог бы он сделаться блистательным генералом, но страсть к поэзии, к сатире, к эпиграмме, которыми колол он своих товарищей, не щадя и начальников, расстроила его судьбу и совратила его с блестящего пути.

Булгарин не замечал, что он нажил врагов, которые искали случая проучить его за насмешки. Это было не трудно. Великий князь назначил однажды великолепный смотр своему уланскому полку, к которому принадлежал Булгарин. Когда полк стал на месте, пошел проливной дождь. Цесаревич напрасно ожидал, чтоб он перестал, и с гневом уехал. Булгарин по этому поводу не пропустил написать какие-то стишки, похожие на эти:

Какой ужасный, грозный вид!
Мне кажется, лишь молвит слово,
Законы, трон, все пасть готово.
Не бойтесь! Он на дождь сердит.

Стишки Булгарина на этот случай показаны были цесаревичу, как неслыханная дерзость и оскорбление величества. Великий князь велел его арестовать и посадить в Шлиссельбургскую крепость. Это

было, вероятно, в 1808 году, когда поляки порывались комплектовать Наполеонову армию. Булгарин, находясь в заключении, постановил, как скоро он освободится, взять отставку и перейти во французскую службу. Здесь досталось служить ему служить в Испании, и по этому поводу напечатаны им в Петербурге в 1823 году воспоминания его об Испании.

По низвержении Наполеона поляки из французской армии были уволены и должны были искать себе места по разным странам света. Булгарин имел благоразумие возвратиться на родину и оттуда в Вильну, которая долгое время была еще похожа на столицу Великого княжества Литовского. Здесь искал он путей к счастью, работал для польских журналов, печатал в них свои польские стихи, искал связей с богатыми и дружбы адвокатов. Последние заняты были огромным процессом, заведенным между Парчевским и богатым Булгариным, сказывали, не родственником его, а только однофамильцем.

Виленские адвокаты умели вести дела превосходно, пока можно было обойтись без русского языка; но как скоро процесс переходил в Сенат, где с польским языком делать было нечего, тогда надобно было найти человека, знающего по-русски. Желая поправить положение Булгарина, виленские адвокаты рекомендовали его богатому Булгарину, который по совету их принял его вроде поверенного и содержал на своем иждивении в Петербурге. Фаддей Венедиктович по этому поводу поселился в Петербурге, жил прилично, угощал литераторов и старался утвердиться в русском слоге, с тем чтобы быть самому автором. Ходатайствуя по тяжбе, им принятой, он посещал сенаторов, между которыми всего легче было ему приобрести благорасположение графа Дмитрия Ивановича Хвостова. Стоило только перебрать его стихотворения, похвалить то или другое, выслушать исправленный перевод его в стихах расиновой трагедии «Андромаха», и тогда можно было уже обращаться с ним запросто.

Булгарин, познакомившись посредством графа Хвостова с Н.И. Гнедичем, И.А. Крыловым, А.Е. Измайловым и Ф.Н. Глинкой, — поэтами, приобретшими уже заслуженную известность, хотел войти в связи и с новыми писателями. Почти все они соединились в Обществе любителей российской словесности, коего президентом был Ф.Н. Глинка, встречавшийся с Булгариным в нескольких домах, где любили русскую и французскую словесность и где Булгарин умел удивить памятью своею, декламируя русские и французские стихи. Глинка предложил его в члены общества, но для этого по уставу должно было представить обществу для прочтения в заседании ка-

кой-либо опыт литературных своих способностей. Булгарин вознамерился подать в Общество обозрение польской словесности. И как он до тех пор ничего не издавал по-русски и сам знал, что он наделает много ошибок в слоге, то просил меня поправить ему эту статью. В ней так много было ошибок, что невозможно было оставить ни одной живой строки. Я поправил ему не только слог, но и промахи содержания. Я прибыл недавно перед тем из Варшавы, и польская литература по знакомству моему с Феликсом Бентковским, автором истории польской литературы, мне лучше была известною, чем Булгарину. По протекции графа Хвостова и президента общества Булгарин принят за эту статью в члены.

Важнейшим моментом в жизни Булгарина почитаю я знакомство его с Гречем, под покровом коего он с 1820 года и поныне благоденствует. Я и в этом случае оказал Булгарину услугу, считая ее самым обыкновенным делом. Однажды Булгарин декламировал при мне сатиру Воейкова о благородстве, помещенную им в Собрании образцовых сочинений, изданных им в 12 частях в 1815–17 г. Я спросил Булгарина, знает ли он сочинителя. — «Нет». — «Так я вас с ним познакомлю. Он теперь (в 1821 году) сотрудником Греча в издании “Сына Отечества”, а он познакомит вас с Гречем, хотя и я с ним коротко знаком». Это было в то время, когда Воейков оставил Дерпт, поселился в Петербурге и, напугав Греча, что он при помощи могущественных своих друзей А.И. Тургенева и В.А. Жуковского станет издавать свой журнал, если Греч не согласится принять его в сотрудники, принудил его поделиться с ним доходами от издания «Сына Отечества», уверив его, что он собрал богатые запасы для журнала и может располагать всеми московскими литераторами.

Воейков, будучи вначале в большой приязни с Гречем, познакомил с ним Булгарина, и оба они очарованы были его живостию и остроумием. Булгарин имел все качества, которыми можно блистать в лучших обществах. Он свободно говорил по-французски, знал Париж и Европу, пел французские куплеты, перенятые им в службе от французских офицеров, сыпал каламбурами, декламировал русские, французские и польские стихи, был весел и насмешлив. Булгарин, видя, что Греч в общественном мнении несравненно стоит выше Воейкова, его сотрудника, прилепился к Гречу всею душою, следовал за ним везде, где только мог его видеть и слышать, и сделался его сотрудником и собеседником. Когда Греч введением в Петербург ланкастерских школ, тогда еще у нас неизвестных, обратил на себя высочайшее внимание Государыни Марии Феодоровны, она удостоила его поручением учредить их

в Павловске и Гатчине в заведениях Воспитательного дома. Греч пригласил Булгарина сопутствовать ему, явился с ним в Павловске в ресторан, наполненную лейб-гусарами, кавалергардами, князьями, графами, из которых никто не знал Греча и едва ли было им разбирать «Сын Отечества». Это были люди гордые, недоступные. Греч никого не боялся. Он тотчас заставил их говорить с ним смелыми и остроумными шутками и удивил всех необыкновенною ловкостью в ответах и вопросах и, объясняясь с одними по-французски, с другими по-немецки и по-русски, ему все равно, увлек их в самый живой и веселый разговор. «Да кто он?», — спрашивали гвардейцы один другого. «Это сущий сатана. Он все знает. Спросите его товарища». Булгарин отвечал: «Эх, господа! Неужели вы не догадались, что это Греч, издатель “Сына Отечества”». Этот анекдот рассказан им нам по приезде их в Петербург. Так Булгарин наблюдал каждое слово, каждый поступок Греча и в кругу друзей его передавал им все его похождения, которыми они всегда восхищены были.

Участие Воейкова в издании «Сына Отечества», начавшееся с 1821 года, прекратилось в марте 1822 года. Греч, видя, что Воейков не доставляет ему, как он обещал, большой помощи, не скрывал этого от Булгарина, а сей утвердил его в намерении разделаться с Воейковым. В то же время Булгарин задумал издавать «Северный архив», заимствуя материалы из фамильных архивов петербургских вельмож. Греч охотно поддержал его в этом предприятии, имея в виду, что этот журнал печататься будет в собственной его типографии, для которой он всегда искал работы, и что если Гречу и нужно будет поправлять Булгарину слог, в котором он еще тогда не утвердился, то для кратких объяснений при издании готовых материалов не много это будет ему стоить труда. От «Северного архива» Булгарин перешел к «Северной пчеле», которая с 1825 года и поныне в 1858 <году> печатается в той же типографии.

Первые три года, в которые Булгарин издавал «Северный архив» один, научился он у Греча практически русской грамматике, правописанию и слогу и, сделавшись вместе с Гречем (с 1825) издателем «Северной пчелы», обратил эти сведения на поражение всех выходивших в его время книг, из коих наилучшего его добычею были для него самые слабые. Тут-то смело обругать мог он авторов, позабавиться, поострить и потешить гостинодворскую публику. Он не пропускал и ученых сочинений, но не занимался их содержанием, а нападал только со всею яростию на ошибки в русском синтаксисе, в фразеологии и падежах и, действуя под эгидою Греча, поступал смело и своенравно.

Министерство народного просвещения положило тогда правилом ограничить число русских журналов и запретить им заниматься иностранною политикою, лишило их занимательности. Одна только «Северная пчела» пользовалась свободою и доверием правительства и сделалась первенствующим и господствующим журналом. Ее только голос повсюду раздавался. Греч, работавший до того времени 25 лет над журналами, устал, поехал путешествовать за границу и дал Булгарину полную волю, который, несмотря на свои ограниченные познания, сделался первым рецензентом. Поднявшись на эту высоту, он беспощадно обращался с самыми основательными и заслуженными писателями и подавил насмешками своими и пересудами много талантов, подобных Гоголеву, и только для того, чтобы показать другим, как он силен и грозен! Не по этому ли поводу Пушкин пустил в народ следующую эпиграмму:

Не то беда, что ты поляк;
Косцюшко лях, Мицкевич лях;
По мне, пожалуй, будь татарин,
И тут не вижу я стыда;
Будь жид и это не беда,
Но то беда, что ты Фаддей Булгарин.

Нельзя не удивляться, приводя все это на память, что тот, который не был природным россиянином и до 1820 года не умел правильно писать по-русски, сделался с 1825 года корифеем русской словесности, любимым русским автором и во многом превзошедшим своего наставника и руководителя Греча, не только литературными успехами, но и приобретением такого состояния, которого литературою не наживал в России ни один русский писатель. Почти 40 лет Булгарин стоит твердо и торжественно, и «Северная пчела» доставляет ему капитал, на который купил он близъ Дерпта два имения, стоящие до 100 тысяч рублей. Но к этому способствовала женитьба его на бедной иностранной девушке, приехавшей с теткою своею в 1822 году из Данцига морем в Петербург. Булгарин, прохаживаясь в это время по вечерам на Невском проспекте, засматривал дамам под шляпки и разговаривал с этими по-немецки. Тот же вечер приглашены они были к нему на чай на квартиру его в Офицерской улице и тогда же у него поселились. Тетушка начала управлять хозяйством Булгарина, потом доходами от его журналов и составила ему значительный капитал. До того времени он был расточителен,

она умела его ограничить. Булгарин, видя преуспевание своего благосостояния, решился из признательности жениться на племяннице и тем основал и утвердил семейственное свое счастье.

ОРИЕНТАЛИСТ СЕНКОВСКИЙ

Осип Иванович Сенковский родом из Вилькомирского уезда, причисленного теперь к Ковенской губернии, воспитывался в Вильне, сперва в гимназии, а потом в университете, по филологическому отделению, и под руководством знаменитого профессора Гроддека усовершеншился в древней классической словесности греческой и латинской. В этом отделении также отличные наставники преподавали французскую, итальянскую, аглинскую литературу. Сенковский успевал во всех языках, выключая немецкого, которого вообще поляки не любили. Он был недостаточного состояния, и потому поддерживали его богатые товарищи. Сенковский знал уже в университете основательно французский язык и охотно общался с теми, с которыми он мог говорить по-французски, а особенно с женщинами. Студенты познакомили его с одною монастыркою, бывшею резиденткою в женском бенедектинском монастыре. Резидентками у поляков назывались те, кои в женских монастырях нанимали свободные комнаты, а особливо девицы, оставшиеся в сиротстве, чтоб устранить от себя сомнение насчет их нравственности. Товарищи его, заметив, что он затрудняется в своем содержании, советовали ему жениться на этой резидентке, за которою считалось до 20 тысяч злотых. Сенковский, которому нравилась эта особа живостию своего характера и тем, что она бегло и остроумно говорила по-французски, решился на ней жениться. Молодые супруги, полагая, что их состояния достанет на все прихоти, развернули широкий план жизни, но, к удивлению своему, увидели, что через два-три года капитал их истощился. Тут наступили долги, лишения и супружеские ссоры. Контрим, университетский библиотекарь, к которому прибегали студенты во всех затруднениях, утомясь мирить Сенковского с женою, советовал ему оставить ее и поискать счастья другим путем. Он дал ему мысль отправиться в Константинополь, научиться восточным языкам и, когда он возвратится в Вильну, он может иметь верную надежду быть в университете профессором восточных языков. «Но чем я поеду? У меня нет денег». «Я уже об этом думал, — сказал Контрим. — Мы выпросим тебе рекомендательное письмо у военного генерал-губернатора Римского-Корсакова к российскому посланнику в Константинополе барону Строгонову, который с ним в дружбе.

Ты получишь в его канцелярии место с жалованьем, можешь там учиться восточным языкам, а на проезд в Константинополь мы найдем тебе деньги. Пусть сыграют в пользу твою на виленском театре два раза, и этот сбор будет для тебя достаточен». Все это хорошо было придумано и увенчалось успехом. Барон Строгонов причислил Сенковского к своей канцелярии с жалованьем 750 р. сер<ебром> и позволил ему путешествовать для изучения восточных языков.

Сенковский два года провел в путешествии по Сирии, в Архипелаге и Египте и, возвратясь в Константинополь, начал учиться по-русски; так он мне рассказывал.

По случаю разрыва с Турциею барон Строгонов с своею канцеляриею возвратился в Петербург. Сенковский причислен был к Министерству иностранных дел с сохранением получаемого им в Константинополе жалованья. Отправляясь оттуда в Петербург, он прибыл морем в Триест и направил путь свой чрез Вильну. Генерал-губернатор Римский-Корсаков очень доволен был, что его ходатайство у барона Строгонова имело столь важные последствия для Сенковского. Он обращался с ним уже не как с студентом университета, но как с чиновником посольства, ориенталистом и путешественником по восточным странам, охотно заставлял его рассказывать о странствиях и пригласил его постоянно бывать на обеде и по вечерам за чаем, и как скоро он не являлся, генерал-губернатор тотчас напоминал ему. Однажды собрались у него на чай гости. Корсаков спросил: «А что ж нет Сенковского?» Адъютанты отвечали, что он в этот вечер пошел на чай к Малевскому. Ректор Малевский известен бы в Вильне своею скупостию, и по этому поводу придумано было насчет его много забавных случаев. «Так вот как! — сказал Корсаков. — Надо было отправиться в Константинополь, объездить Архипелаг, странствовать в Сирии и Египте и научиться восточным языкам, чтоб быть приглашену к Малевскому на чай». Малевский был сам веселый и добродушный старик и не обижался подобными шутками. Все, что я сообщаю, известно было всему городу в Вильне.

По окончании отпуска Сенковский прибыл в Петербург. Здесь познакомили меня с ним поляки, с коими по приезде моем из Варшавы я охотно обращался. Сенковский пожелал познакомиться с русскими писателями, и я прежде всего познакомил его в Императорской публичной библиотеке с библиотекарями. В Петербурге до самого поступления своего в профессора университета, т. е. с 1817 до 1822 года Сенковский ничем известен не был. Он знакомился с русскими учеными, но это не с тем, чтобы сделаться самому,

как Булгарин, русским писателем или журналистом; об этом он тогда вовсе не думал, даже не искал чести быть принятым в члены С. Петербургского высочайше утвержденного общества любителей российской словесности. Он не свободно говорил тогда еще по-русски, и когда я его спросил, где он по-русски учился, он ответил: «В Константинополе». Но отличное его описание его путешествия на Восток, знание восточных и европейских языков, а особенно французского, на котором он начал уже издавать первые свои опыты, и служение в Министерстве иностранных дел доставили ему самые блестящие знакомства, хотя они и не доставили ему никакой известности в столице.

В 1821 году вдруг заговорили в Петербурге о Сенковском, ставя его в пример необыкновенного счастья и удачи, и это по следующему поводу.

После потрясения С. Петербургского университета действительный статский советник Рунич, поступивший на место попечителя, с татского советника Уварова, довел оное до высшей степени, вместе с Кавелиным, директором Педагогического института, он изгнал достойнейших профессоров, и в том числе ориенталистов Деманжа и Шармуа. Последние обратились к французскому посланнику, который по жалобе их потребовал от русского министра иностранных дел доставить ему судебный приговор, их постигший. Министр князь Голицын не знал, как защитить Рунича и оправдаться перед Государем. Государь император, наскучив обоюдными объяснениями обвинителей и обвиняемых и желая успокоить французского посланника, велел учредить при Министерстве иностранных дел Институт восточных языков и причислить к нему профессоров Шармуа и Деманжа. Князь Голицын, по словам Рунича, уверил Государя, что на место их вскоре приискать можно в университет других, но, когда дошло до дела, Рунич встретил величайшее затруднение. Граф Грабовский, статс-секретарь Царства Польского, и правитель его канцелярии Туркулл, пользуясь сим случаем, рекомендовали попечителю университета чиновника константинопольской миссии Сенковского как ориенталиста, самого способного занять профессорское место. Сенковский с первого свидания с Руничем умел ему понравиться и особенно тем, что дал ему волю целый час говорить, не прерывая его ни на минуту. После этой беседы Рунич всем объявил, что Сенковский ученейший человек.

Сенковский, пользуясь этим расположением попечителя, а разом и обстоятельствами, в кои поставил себя министр просвещения князь Голицын, предложил Руничу следующие условия: он готов

принять на себя преподавание восточных языков по обоим кафедрам с двойным окладом жалования, но просит сохранить для него получаемое им жалование и по Министерству иностранных дел. На все это Рунич был согласен, но требовал, чтоб Сенковский для доклада министру и Государю представил от Академии наук удостоверение в познании восточных языков.

Сенковский обратился к знаменитому ориенталисту академiku Френу, не говоря ему, что это свидетельство нужно ему для занятия кафедры восточных языков; и потому Френ экзаменовал его не как драгомана, и когда Сенковский утвержден был профессором, Френ шутя сказывал нам: «О, если бы я это знал, я не так бы экзаменовал его!».

Сенковский, сделавшись профессором восточных языков в Петербургском университете, желал привлечь к себе как можно больше слушателей, обнадеживая, что они по окончании курса поступят в ведомство Министерства иностранных дел, но охотников в Петербурге было мало; тогда он обратился ко мне письменно в Вильну в то время, как я уже был там профессором университета. Я сделал на лекции приглашение, и человек до 10, наиболее кандидатов филологического факультета, где основательное изучение латинской и греческой литературы было главным предметом, изъявили желание. Все они были с отличными познаниями и способностями, а некоторые из них издали уже свои переводы и сочинения. Я составил их список вроде формуляра с отметками их успехов в науках и послал его Сенковскому¹. Невозможно было сделать лучшего выбора, но в 1823 году началось следствие над виленскими студентами, по случаю открытия между ними тайного общества, и Сенковский, сперва столько обрадованный, по прошествии некоторого времени отвечал мне, что до окончания следствия никого из виленских студентов принять нельзя.

По окончании следствия из этих 10-ти студентов двое только поступило для изучения восточных языков: Иосиф Ковалевский сделался потом в сем университете профессором монгольского языка, а Верниковский преподавателем арабского языка.

В 1823 году приезжал я из Вильны в Петербург. Профессор Сенковский предложил мне посетить Булгарина на даче. Мы застали его над «Северным архивом», коего был он издателем. Булгарин обращался с нами как с давними друзьями, не скрывал от нас своих затруднений и спрашивал у нас объяснений то на то, то на другое.

¹ По этому поводу зашла у нас переписка. Я удивлялся, что Сенковский пишет по-русски так свободно и правильно. Этого я никак не ожидал от него. (Примеч. Н. Лобойко.)

Мы тотчас разрешили все его недоумения. Возвращаясь от него домой, Сенковский сказал мне: «Я удивляюсь, как можно с такими бедными познаниями быть журналистом!»

В 1824 году я опять приезжал в Петербург и по приглашению Сенковского остановился у него на квартире, занимаемой им в университете в 12 коллегиях. Я пробыл вместе с ним около 6 недель, во время вакаций.

До тех пор я не имел настоящего понятия о его учености и начитанности; он никогда ими не хвалился; но, оставаясь один во всех комнатах, я любопытствовал знать, чем он занимается. К изумлению моему, я нашел в его кабинете так много новых и важных сочинений и журналов на аглинском, италианском, французском и других языках, что я проводил тут целые дни без выходно<го>.

Пользуясь отличным благорасположением и доверием попечителя Рунича, Сенковский исходатайствовал разрешение министра получать иностранные запрещенные журналы, какие тогда были в наибольшей славе, и профессору Сенковскому были они прежде всех доставляемы.

Года через два Сенковский испросил у попечителя Рунича поручение обозреть белорусские училища. Здесь он с жестокостию нападал на базилианские училища и, конечно, был причиною уничтожения училищ и самого ордена.

В то же время занимала его мысль развестись с первою своею женою, с которою он никак не мог ужиться после нескольких опытов примирения. Она не противилась, желала только, чтобы обеспечено было ее положение. Сенковский, имея в виду жениться на баронессе Раль, дочери с<анкт>->п<етер>бургского банкира, готов был на всякое пожертвование. С этим намерением сделал он поездку из Белоруссии в Вильну и остановился у меня в университете на квартире. Я, пользуясь благорасположением епископа Клонгевича и прочих членов римско-католической консистории, облегчил ему формальности развода, который тогда же был окончен.

При начатии в Турции войны, кончившейся в 1829 году, Сенковский желал воспользоваться ею для своего возвышения и служить в канцелярии главнокомандующего. С этой целию издал он турецкие разговоры для русских офицеров, участвовавших в сей войне, но его не приглашали.

С 1830 года Сенковский чувствовал себя в полной силе авторства. Его «Фантастические путешествия», изданные под именем Барона Брамбеуса, сделали его известным во всей России. Этот роман сравнивали с Вольтеровыми. Хотя пример Булгарина, решившегося так

скоро и с такими ограниченными познаниями <издавать журнал>, не выходил у Сенковского из памяти, но, занятый преподаванием в университете лекций и опасаясь соперничества со стороны профессоров Восточного института, не прежде мог решиться на издание своего журнала, как утвердив свою репутацию в звании профессора восточных языков и после долговременного и основательного приготовления.

С 1834 года начал он издавать «Библиотеку для чтения», знаменитый русский журнал, отличающийся необыкновенною занимательностью, новостью и привлекательною ученостью. До тех пор русская публика с ужасом отступала от ученых журналов. Булгарин угадал ее вкус, шутил над учеными и забавлял ее насмешливыми рецензиями. Сенковский именно ученостию доставил своему журналу первенство и уважение, которыми он и поныне пользуется, избирая в области ее все то, что в высших кругах, при Дворе, в парижских гостиных наиболее возбуждало любопытства, и облекая сообщаемые им сведения в энциклопедическую форму Дидерота и Вольтера. Он умел отыскивать и новых русских поэтов и беллетристов, и специальных ученых и путешественников, и первый из журналистов давал им самые богатые премии. Обращаясь с дипломатическими чиновниками, с особами, имеющими доступ ко Двору, он получал от них все новости, книги, брошюры, журналы; сим же путем известны ему все аристократические тайны царедворцев. Несмотря на то, он совершенно отказался от политики, потому что правительство неохотно наше смотрело на чиновников, занимающихся ею, и только двум или трем русским журналам позволено было сообщать иностранные известия. Но, занимаясь своим журналом, Сенковский не отличался ревностию в преподавании восточных языков и очень доволен был, если у него не было более двух слушателей. С прибытием из путешествия по Востоку Антона Мухлинского, также воспитанника Виленского университета, поступившего к Сенковскому в адъюнкты, число слушателей лекций восточных языков увеличилось. Мухлинский был настоящим ориенталистом и ничем посторонним не занимался.

Университетское начальство видело это, но из уважения к авторской славе Сенковского обращалось с ним снисходительно и не мешало ему посвящать все способности на издание журнала. Обыкновенно Сенковский просиживал за ним целые ночи и спал с рассвета до полудня. Когда я спросил в 1839 году Сенковского, кого он из профессоров университета в числе товарищей своих почитает ученым и даровитейшим, он отвечал мне: «Я никого из них не знаю». Это сказано без притворства.

Сенковский имел замечательное влияние на русский слог. Желая отличиться оригинальностью своих правил, он утверждал, что надобно писать так, как говорят, приводя в пример переписку тверских помещиков, в шутку; поэтому периоды, а особливо длинные, со многими вставочными предложениями, ни в каком случае не должны быть терпимы. Ему возражали, что письменный язык у всех образованных народов отличается от разговорного; что, избегая периодов, надобно в письме в десять раз более употреблять слов, чем в периодической речи. Ему также мы обязаны изгнанием слов: сей; кои; оный; поелику; ибо; нежели; тем паче; вместо коих стали употреблять: этот; который; он и его; так как; потому что; более или менее чем; тем более; что принято было и в министерствах, и в бумагах, исходящих от верховной власти. Нынче опять начинают возвращаться к старине.

Сенковский, так же, как и Булгарин, не гонялся за чинами и орденами. Авторство открыло им обоим путь к обогащению, и более они и не желали.

Публикуется по рукописи: Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 109–116; Л. 123–133 об. Благодарю К.В. Проничеву за предоставленную копию текста. Описание тетради с поздней версией мемуаров Лобойко см.: [5].

¹ Вписано вместо зачеркнутого «1816».

² Лобойко ошибся. Булгарин воевал в Испании в 1811 г., но потом он участвовал в походе наполеоновской армии в Россию, затем в военных действиях в Европе, был взят в плен в 1814 г., потом жил в Вильне, в 1816 г. на несколько месяцев приезжал в Петербург в связи с процессом двоюродного дяди и лишь с 1819 г. обосновался в Петербурге.

³ И здесь у Лобойко ошибка. Сенковский находился в Константинополе в 1819–1820 гг., потом путешествовал по Востоку и приехал в Петербург только в октябре 1821 г.

⁴ Здесь: власть, управление (*устар.*).

⁵ Правильно: Bułharyn.

⁶ Правильно: Józef.

⁷ Булгарин в 1798 г. поступил в Сухопутный кадетский шляхетный корпус, в 1800 г. переименованный в 1-й кадетский корпус, в 1806 г. окончил его и был выпущен в Уланский великого князя Константина Павловича полк. Великий князь Константин Павлович был шефом полка, а командиром его в это время являлся генерал-майор барон Е.И. Меллер-Закомельский.

⁸ Процитирована эпиграмма И.И. Дмитриева «К портрету» (1803). Лобойко имеет в виду несохранившиеся сатирические стихи Булгарина на великого князя Константина Павловича, несколько строк из которых процитировал Н.И. Греч в своих воспоминаниях:

Трепещет Стрельна вся, повсюду ужас, страх.

Неужели землетрясение?

Нет! нет! великий князь ведет нас на ученье.

⁹ На самом деле в Кронштадтскую.

¹⁰ Это произошло в 1809 г.

¹¹ См.: *Булгарин Ф.В.* Воспоминания об Испании. СПб.: В тип. Н. Греча, 1823. [6], 186, IV с.

¹² Великое княжество Литовское — восточноевропейское государство, существовавшее с середины XIII в. по 1795 г. С 1386 г. находилось в личной унии с Королевством Польским, а в 1569 г. в результате сеймовой унии с ним образовало Речь Посполитую. В ходе третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. территория княжества вошла в состав Российской империи.

¹³ Возможно, тут аллюзия на стихотворение Булгарина (на польском языке) «*Droga do szczęścia*» (*Tygodnik Wileński*. 1819. № 134), которое Рылеев перевел под названием «Путь к счастью» (*Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. М.: Academia, 1934. С. 273–277). На основании этого перевода, прочитанного вслух на заседании общества 25 апреля 1825 г., Рылеев был принят в члены Общества любителей российской словесности (см.: [1, с. 225, 397]).

¹⁴ Под своей фамилией Булгарин поместил лишь три стихотворных произведения: сатиру «*Droga do szczęścia*», «*Cuda*» (*Tygodnik Wileński*. 1819. № 135) и «*Do Kaspra Kielczewskiego*» (Там же. № 138).

¹⁵ Лобойко неточен. У богатого помещика Антония Жуковского были сестры Варвара (вышедшая замуж за двоюродного брата отца Ф.В. Булгарина Павла Булгарина) и Екатерина (вышедшая замуж за подполковника Антония Парчевского). После смерти Жуковского, дети которого вскоре умерли, по Литовскому статуту (своду законов, действовавших тогда в Великом княжестве Литовском) наследовать ему должны были его сестры. Однако вдова Жуковского, вышедшая замуж за камер-юнкера графа Станислава Тышкевича, не отдавала имение. Поэтому в 1815 г. начался процесс, который затянулся надолго. Дело слушалось в Вильно, потом перешло в Сенат, который рассматривал его в 1816 г. и вернул опять в Вильно. В дальнейшем Сенат не раз возвращался к обсуждению этого дела, из-за разногласий сенаторов оно в 1825 г. перешло в Государственный совет, вынесший в 1826 г. решение в пользу Булгариных и малолетнего Парчевского (его родители к тому времени умерли), которые должны были получить имения в Виленской и Могилевской губерниях. Император утвердил решение 13 июня 1826 г. Однако теперь начался новый процесс, связанный с разделом наследства. Павел Булгарин в 1829 г. умер, так и не получив его. В 1830 г. дело опять несколько раз слушалось в Сенате, а последний указ Сената по этому делу датирован январем 1831 г. См. материалы судебного дела (более 2000 листов): РГИА. Ф. 1347. Оп. 65. Ед. хр. 1070.

¹⁶ Хвостов после первого издания перевода несколько раз правил его, см.: Расин Ж. Андромаха: трагедия / пер. Д.И. Хвостов. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1794. [12], 98, [2] с.; Он же. Андромаха: трагедия в пяти действиях, в стихах / пер. графа Д. Хвостова. 5-е изд.. СПб.: В тип. Императорского Воспитательно-го дома, 1821. XLIII, [1], 283, [4] с.

¹⁷ Ф.Н. Глинка был председателем Общества любителей российской словесности в 1819–1825 гг.

¹⁸ Благодаря хорошему знанию иностранных языков Лобойко получил в августе 1815 г. место в Варшаве — чиновника по особым поручениям у наместника в Царстве Польском В.С. Ланского. Но в конце 1815 г. власть в Царстве Польском была передана польской администрации, и Лобойко, как и другие российские чиновники, оказался не у дел; ему пришлось в феврале 1816 г. перейти на службу в Петербург.

¹⁹ Феликс Бентковский (Feliks Bentkowski; 1781–1852) — польский историк литературы, библиограф, нумизмат и журналист, автор книги «*Historya literatury polskiej wystawiona w spisie dzieł drukiem ogłoszonych* [История польской литературы в форме списка опубликованных произведений]», т. 1–2 (Warszawa, 1814).

²⁰ Далее зачеркнуто: «который до сего времени вовсе не думал быть русским писателем».

²¹ Статья «Краткое обозрение польской словесности» в «Сыне Отечества» (1820. № 31, 32) была первой публикацией Булгарина в русской печати, но для вступления в Вольное общество любителей российской словесности он представил перевод с польского статьи И. Лелевеля «Известия о древнейших историках polskich и в особенności о Кадлубке, в опровержение Шлецера» и был принят в общество 21 марта 1821 г.

²² Сверху надписано карандашом: «в 1858».

²³ Исправлено из «1820».

²⁴ В первой версии своих воспоминаний Лобойко писал: «Желая доставить Воейкову удовольствие, которое каждый поэт испытывает, когда неожиданно декламируют ему лучшие его стихи, я представил ему Булгарина, который тотчас продекламировал ему сатиру его о благородстве. Это восхитило его, тем более что от поляка, возвратившегося из Франции, этого ожидать нельзя было. Воейков познакомил его с Н.И. Гречем, хотя и я мог бы это сделать» [4, с. 65]. Если Лобойко имел в виду, что, долго находясь за границей, Булгарин мог не знать это произведение, то он ошибается. Нашумевшее стихотворение А.Ф. Воейкова «Сатира к С[перанскому] об истинном благородстве» было опубликовано в «Вестнике Европы» в 1806 г. (№ 19), а Булгарин покинул Россию только через 5 лет после этого.

²⁵ А.Ф. Воейков служил профессором русской словесности в Дерптском университете с 1814-го до сентября 1820 г.

²⁶ В 1817 г., находясь в Париже, Н.И. Греч познакомился с ланкастерской системой обучения. Этот метод преподавания, получивший в Европе популярность, заключался в том, что под руководством учителя учащихся обучали старшие и более успевающие ученики, причем без учебников, а с помощью таблиц, развешенных на стенах. По возвращении в Россию Греч всячески пропагандировал школы взаимного обучения и готовил учебные пособия (см.: <Греч Н.И.> Ланкастерские школы // Сын Отечества. 1818. № 31–33 (без подписи); Он же. Руководство ко взаимному обучению. СПб., 1819). В 1819 г. ему было поручено устройство и управление классов взаимного обучения под высочайшим ведением императрицы Марии Федоровны в императорских Санкт-Петербургском и Гатчинском воспитательных домах и в училищах солдатских дочерей лейб-гвардии Семеновского, Егерского и Московского полков.

²⁷ Неточно. А.Ф. Воейков был соредактором Греча в «Сыне Отечества» с середины 1820 г. по 1821 г.

²⁸ Греч купил типографию в 1816 г.

²⁹ Булгарин создал «Северный архив» в 1822 г. Содержание журнала далеко не исчерпывалось публикацией документов из семейных архивов, напротив, тут помещались исторические статьи, рецензии, воспоминания, путевые записки и т.п., причем Булгарин нередко снабжал их своими предисловиями и примечаниями.

³⁰ С 1825 г. Булгарин издавал «Северный архив» вместе с Гречем.

³¹ Тут ряд неточных утверждений. Правом печатать зарубежные политические новости и до, и после описываемого времени в царствование Николая I обладали очень немногие издания: газеты «Московские ведомости», «С.-Петербургские ведомости», «Русский инвалид» и журналы «Сын Отечества», «Вестник Европы». Это зависело не от Министерства народного просвещения, а непосредственно

от императора. Греч действительно нередко надолго уезжал в европейские страны в 1830–1840-х гг., но публикация рецензий от него не зависела, так как он отвечал в «Северной пчеле» за политическую часть, а Булгарин — за литературную.

³² Эпиграмма приведена неточно. У Пушкина:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

³³ Имеются в виду имена Карлово и Саракус.

³⁴ Имеются в виду Елена Ивановна Иде (1808–1889), жена Ф.В. Булгарина с 1825 г., и ее тетка Елена Ивановна Видеман.

³⁵ Данциг в то время принадлежал Пруссии, ныне — польский город Гданьск.

³⁶ В 1822 г. Булгарин жил в Петербурге по адресу: Офицерская ул., дом Васильевой, № 196.

³⁷ Вилькомирский уезд был образован в 1795 г. в составе Виленской губернии, в 1843 г. вошел в состав созданной тогда Ковенской губернии.

³⁸ До университета Сенковский учился не в Виленской гимназии, а очень недолго в Минском коллегии.

³⁹ Готфрид Эрнст Гроддек (1762–1826) — немецкий филолог-античник, профессор Виленского университета (1804–1826). Муж сестры матери Сенковского.

⁴⁰ Имеется в виду Мария Родзевич.

⁴¹ Бенедиктинцы — католический монашеский орден, основанный ок. 530 г. Бенедиктом Нурсийским в Италии.

⁴² В то время 1 золотый был равен 15 копейкам серебром.

⁴³ Казимеж Контрим (Казимир Осипович; 1776–1836) — библиотекарь Виленского университета (1809–1825), журналист.

⁴⁴ Князь Александр Михайлович Римский-Корсаков (1753–1840) — военный губернатор Литвы (1806–1809, 1812–1830).

⁴⁵ Граф (1826) Григорий Александрович Строганов (1770–1857) — дипломат, в 1816–1821 гг. — российский посланник в Турции, в 1822–1826 гг. находился в отпуске за границей, с 1827 г. — член Государственного совета.

⁴⁶ Сенковский еще в университете изучал арабский, древнееврейский и другие восточные языки. Университетское начальство планировало, что он займет в университете кафедру ориенталистики. Чтобы он мог поехать на Восток (для усовершенствования в знании языков и сбора свидетельств турецких и арабских авторов о Польше), была устроена благотворительная подписка. К собранной сумме добавились средства, предоставленные матерью Сенковского и, по некоторым сведениям, приданое его невесты, на которой он женился перед отъездом на Восток (1 сентября 1819 г.). О виленском периоде жизни Сенковского см.: [9, S. 21–54]. В Константинополь Сенковский прибыл 1 октября 1819 г., в 1820 г. он был причислен к Константинопольской миссии.

⁴⁷ Так (с прописной буквы) называли в XVIII–XIX вв. Эгейский архипелаг, то есть около пятисот островов в Эгейском море.

⁴⁸ Выехав из Константинополя в апреле 1820 г., Сенковский через Турцию, Эгейский архипелаг и Сирию добрался до Ливана, где в горном селении несколько месяцев учился у известного ориенталиста, сирийского маронита А. Арыды. Затем он отправился в Египет, осмотрел там пирамиды, поднялся к истокам Нила в Нубию и вернулся в Каир. В связи с обострением российско-турецких отношений из-за начавшегося в марте 1821 г. греческого

восстания против турок Сенковский вынужден был в июле покинуть Египет (принадлежавший Турции).

⁴⁹ Шимон Малевский (Семен Андреевич; 1759–1832) — профессор права и политической экономии, ректор Виленского университета (1816–1822).

⁵⁰ Сенковский прибыл в Петербург в октябре 1821 г. и сразу же отправился к Булгарину. Булгарин вспоминал: «На другой день по прибытии он навесил меня. Я должен был поделиться с О.И. Сенковским, как говорится, последними крохами, и он принял за то участие в моих трудах» (Ф.Б. <Булгарин Ф.В.> Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1858. № 95. 3 мая). Булгарин пишет, правда, что это произошло в 1823 г., но поскольку он указывает, что речь идет о прибытии Сенковского с Востока, то ясно, что имеется в виду 1821 г.

⁵¹ В число сотрудников Императорской публичной библиотеки входили тогда литераторы А.Х. Востоков, Н.И. Гнедич, И.А. Крылов, М.Е. Лобанов, а также археограф и филолог А.И. Ермолаев.

⁵² Профессором Петербургского университета Сенковский стал 26 июля 1822 г.

⁵³ Это не так. Уже с 1822 г. Сенковский печатал очерки и научные статьи о Востоке в «Северном архиве» и «Сыне Отечества».

⁵⁴ Ошибка. Уже 5 декабря 1821 г. Булгарин дал рекомендацию Сенковскому для вступления в Вольное общество любителей российской словесности (см. ее текст в: [7, с. 182]). В результате 19 декабря Сенковский был принят в общество (см.: [1, с. 444]). Лобойко вступил в общество в 1818 г., и присутствовал на заседаниях 5 и 19 декабря 1821 г. (см. в архиве общества, в «Делах по части секретаря»: РО ИРЛИ. Ф. 58. № 94. Л.91–91об. Благодарю за справку Алину Бодрову). Видимо, память ему изменила.

⁵⁵ В оригинале ошибочно: воспитание.

⁵⁶ См.: Отрывок письма из Греции / пер. с польск. Ф.Б. <Булгарин> // Сын Отечества. 1820. № 36. С. 129–134; Отрывки из писем Иосифа Сенковского, путешествующего по Греции / пер. с польск. Ф.Б. // Там же. 1820. № 37. С. 169–178; Отрывки из писем путешествующего на Востоке Иосифа Сенковского к его другу / пер. с польск. Ф.Б. // Там же. 1821. № 6. С. 260–270; Посещение пирамид // Там же. 1822. № 1. С. 16–30; № 3. С. 116–123; Перечень письма из Каира от 11/22 декабря 1821 // Там же. 1822. № 9. С. 64–71; Устье Босфора // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. 19. С. 39–73; Краткое начертание путешествия в Нубию и Верхнюю Эфиопию // Северный архив. 1822. № 1; Возвратный путь из Египта чрез Архипелаг в Константинополь // Северный архив. 1822. № 5. С. 421–443; № 7. С. 45–62; № 16. С. 301–320.

⁵⁷ Первые работы Сенковского, написанные на французском языке, были опубликованы после того, как он стал профессором. Ранее на французском выходили только переводы его записок о путешествии на Восток.

⁵⁸ Дмитрий Павлович Рунич (1780–1860) — попечитель Петербургского учебного округа (1821–1826).

⁵⁹ Граф (1846) Сергей Семенович Уваров (1786–1855) — попечитель Петербургского учебного округа (1811–1821), президент Академии наук (1818–1855), министр народного просвещения (1833–1849).

⁶⁰ Дмитрий Александрович Кавелин (1778–1851) — директор Главного педагогического института (1816–1819), Петербургского университета (1819–1823).

⁶¹ Речь идет о разгроме Петербургского университета Д.П. Руничем, который предпринял «попытку заменить университет светский на университет клерикальный, полностью управляемый извне, полицейский». Рунич и М.Л. Магницкий, попечитель Казанского учебного округа, были «попечители-ревизоры, обличители обнаруженных административных “неустройств” своих предшественников и открытого ими в преподавании духа “вольнодумства

и безбожия», якобы угрожающего прочности самого государства» [2, с. 97]. В результате «расследования» из университета были изгнаны лучшие профессора (К.И. Арсеньев, М.А. Балугьянский, А.И. Галич, К.Ф. Герман, Ш. Деманж, Ф. Шармуа, Э. Раупах) и часть студентов.

⁶² Жан Франсуа Деманж (1789– ?) — французский ориенталист, профессор кафедры арабского языка в петербургском Главном педагогическом институте (1817–1819), в Петербургском университете (1819–1822), затем по 1840 г. преподавал в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, которое в быту называли Институт восточных языков. Франсуа Бернар Шармуа (1793–1869) — профессор персидского языка в Главном педагогическом институте (1817–1819), Петербургском университете (1819–1822), Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте (1823–1835), вновь в Петербургском университете (1831–1835).

⁶³ Имеется в виду Пьер-Луи-Огюст Феррон, граф (1818) де Ла Ферроне (1777–1842) — французский дипломат, посол Франции в России (1819–1828), министр иностранных дел Франции (1828–1829).

⁶⁴ Имеется в виду граф Иоанн Каподистрия (1776–1831) — министр иностранных дел России (1816–1822).

⁶⁵ Суда как такового не было, никакие карательные меры, кроме увольнения, по отношению к профессорам не применялись, и они вскоре нашли другие места для продолжения службы.

⁶⁶ Князь Александр Николаевич Голицын (1773–1844) — министр духовных дел и народного просвещения (1816–1824); сенатор (1812).

⁶⁷ Александр I (1777–1825) — российский император с 1801 г.

⁶⁸ Граф (1836) Стефан Фомич Грабовский (1767–1847) — министр статс-секретарь Царства Польского с 1822 г., дивизионный генерал (1826), генерал-лейтенант (1831); член Государственного совета (1832).

⁶⁹ Игнатий Лаврентьевич Туркул (1798–1856) — главный директор канцелярии его императорского высочества статс-секретаря Царства Польского (1821–1832), товарищ министра статс-секретаря Царства Польского (1832–1839), министр статс-секретарь Царства Польского (1839–1847), член Государственного совета (1839).

⁷⁰ Христиан Мартынович Френ (1782–1851) — ориенталист, академик.

⁷¹ Драгоман — дипломат-переводчик с восточных языков.

⁷² Сенковский экзаменовался у Френа 27 ноября 1821 г. Френ дал ему такой аттестат: «Г. Сенковский в немногие годы, проведенные им на Востоке, приобрел в арабском языке столь отличные сведения, каких едва можно достигнуть после нескольких лет усидчивого изучения этого столь же богатого, как и трудного языка. Он изучил его не только практически, для разговоров, но и грамматически, в книгах и письменных памятниках этого народа; одним словом, в учебном отношении. Посвятив свое время этой сугубой цели, г. Сенковский узнал этот язык во всей его обширности и основательно. Я испытывал его в арабской грамматике и нашел его весьма знающим в этой части. Я давал ему переводить арабских писателей, и он легко переводил указанные мною места. В отношении же письма на арабском языке он показал свои сведения, сочиняя, при моих глазах, целые статьи на этом языке, которые возбудили во мне столько же удивления по легкости, с какою они были написаны, сколько доставили мне истинного удовольствия по чистоте и изящности их слога. Что касается до разговорного языка, в котором г. Сенковский особенно силен, то я не могу и меряться с ним, изучав этот язык только по книгам, рукописям и памятникам; и я чрезвычайно сожалею, что в этом отношении, не будучи законным судьей, не могу воздать должных похвал этому замечательному молодому человеку. Вообще, по своим сведениям в арабском языке, г. Сенковский совершенно способен занять с честью

и пользою кафедру этого языка и столько же может быть полезен на поприще дипломатическом. Его любовь и энтузиазм к восточным языкам, редкое усердие, которое он уже показал, и особенная способность к языкознанию, соединенные с обширными сведениями, служат ручательством прекрасных надежд на услуги, который он может оказать как на поприще дипломатических сношений Империи с Портою, так (надеюсь и желаю) и в области науки» (цит. по: *Савельев П.С. О жизни и трудах О.И. Сенковского // Сенковский О.И. Собр. соч. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1859. Т. 1. С. XXXIV–XXXV*). После экзамена в декабре 1821 г. Сенковский был определен в Коллегию иностранных дел переводчиком Константинопольской миссии.

⁷³ Лобойко преподавал в Виленском университете с 1822 г. до его закрытия в 1832 г. Сенковский 9 октября 1823 г. отправил Лобойко письмо с просьбой подобрать 10 студентов и выпускников Виленского университета для изучения восточных языков в Петербурге. Текст письма см.: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 103–114.

⁷⁴ Юзеф Ковалевский (Осип Михайлович; 1800–1879) — выпускник Виленского университета, филолат; впоследствии ориенталист, профессор Казанского университета (1835–1860), профессор Варшавской Главной школы с 1862 г., преобразованной в 1869 г. в Варшавский университет, где преподавал по 1878 г.

⁷⁵ Ян Непомуцен Верниковский (Иван Антонович; 1806–1877) — выпускник Виленского университета (1820), филарет. В 1827 г. был определен преподавателем арабского языка в Казанскую гимназию, преподавал также в университете латинский язык. В 1832 г. был освобожден от надзора. За то, что вписал в альбом своего товарища стихи, полные «нерасположения и неблагонамеренности к России и правительству», был арестован и в 1836 г. выслан в Вятку, преподавал там в гимназии французский язык, в 1837 г. перешел в Симбирскую гимназию, где был последовательно учителем латинского языка, инспектором и директором. Впоследствии был директором училищ Харьковской губернии, где служил по 1860 г. Преподавал в это время и в Харьковском университете.

⁷⁶ Имеется в виду здание из двенадцати одинаковых трехэтажных секций на Васильевском острове, построенное в 1730-х гг. для размещения правительственных коллегий (предшественников министерств). С 1804 г. в этом здании располагался Педагогический институт, в 1819 г. преобразованный в Петербургский университет.

⁷⁷ Базилиане — униатский монашеский орден (следующий уставу, приписываемому св. Василию Великому), основанный в виленском Троицком монастыре в начале XVII в., ставивший своей целью укрепление унии (объединения католической и православной церквей в 1596 г. на территории Речи Посполитой, по условиям которого православные признавали своим главой римского папу, но сохраняли значительную часть православных обрядов). Орден большое внимание уделял обучению и воспитанию молодежи. После ряда указов (последний был в 1831 г.) все базилианские монастыри в Российской империи были закрыты, осталось лишь 5 монастырей в Царстве Польском.

⁷⁸ В июле 1826 г. Министерство народного просвещения поручило Сенковскому как члену Училищного комитета Петербургского учебного округа проинспектировать школы в Белоруссии (в Витебской и Могилевской губерниях), переданные в 1825 г. из Виленского в Петербургский учебный округ. В отчете о ревизии, продолжавшейся пять месяцев, он писал о колонизации края, осуществляемой школами при монастырях различных католических орденов, и представил проект организации образования в крае, предлагая открыть вместо духовных школ светские и уделять особое внимание преподаванию русского языка. Этот отчет был с негодованием воспринят в Польше и на территории бывшего Великого княжества Литовского. См.: *Новоселов А. Ревизия профессором Сенковским белорусских училищ в 1826 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. № 4. С. 159–207; № 5. С. 74–122.*

⁷⁹ Речь идет о баронессе Аделаиде Александровне Раль (1806–1859), дочери придворного банкира немецкого происхождения барона (с 1800 г.) Александра Александровича фон Раля (Александр Франц; 1756–1833), жене Сенковского с 1829 г.

⁸⁰ Анджей Бенедикт Клонгевич (Андрей Михайлович; 1765 или 1867–1841) — доктор философии (1789) и богословия (1815), профессор теологии, догматики и истории церкви Виленского университета (1815–1828), с 1828 г. брестский епископ-суфраган (викарный епископ), в 1841 г. епископ виленский (католический).

⁸¹ Имеется в виду консистория Виленской римско-католической епархии.

⁸² См.: Карманная книга для русских воинов в Турецких походах. СПб.: В тип. департамента народного просвещения, 1828. 2 ч. За книгу Сенковский получил от императора перстень с бриллиантом.

⁸³ <Сенковский О.И.> Фантастические путешествия Барона Брамбеуса. СПб.: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833.

⁸⁴ Имеются в виду философские повести Вольтера «Задиг» (1747), «Микромегас» (1752), «Кандид, или Оптимизм» (1759), «Простодушный» (1767) и др.

⁸⁵ Имеется в виду Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

⁸⁶ Современник писал: «“Библиотека” имела огромный, неслыханный успех; влияние ее было обширно; публика верила ей безусловно; книгопродавцы, литераторы трепетали, хотели бороться и нередко смирялись» (Герсеванов Н.Б. Газетные заметки // Северная пчела. 1858. № 190. 1 сент.). Ср. другие воспоминания: «Как только появилась на свет “Библиотека для чтения”, Сенковский тотчас привлек к себе общее внимание и сочувствие всей России. Я был тогда в Киеве и хорошо помню, как все интеллигентное русское — молодое и старое — носилось с этим журналом <...>. Все зачитывались статьями, напечатанными в “Библиотеке для чтения” — все это были вещи свежие, новые, полученные прямо из Европы и приложенные, насколько это было необходимо, к пониманию нашего тогдашнего общества» (Старчевский А.В. Последние десять лет жизни Барона Брамбеуса (Осипа Ивановича Сенковского) // Наблюдатель. 1884. № 7. С. 257).

⁸⁷ Т. е. Дени Дидро.

⁸⁸ Имеется в виду выплата гонораров.

⁸⁹ Речь идет о политических известиях.

⁹⁰ У Сенковского учились крупные отечественные востоковеды М.Г. Волков, В.В. Григорьев, П.С. Савельев, В.Г. Тизенгаузен.

⁹¹ Антон Осипович Мухлинский (1808–1877) — востоковед, историк, фольклорист. Обучался в Виленском и Дерптском университетах, с 1835 г. преподавал арабский язык в Петербургском университете, с 1845 г. ординарный профессор.

⁹² См.: <Сенковский О.И.> Письмо трех тверских помещиков барону Брамбеусу // Библиотека для чтения. 1837. № 5. Отд. I. С. 65–96. Этот текст в юмористической форме продолжал «начатую за несколько лет до того редактором журнала О.И. Сенковским борьбу с элементами церковно-книжного языка в языке литературы. Эта борьба скоро свелась к нападкам на местоимения сей, оный, кои и т. д., которые трактовались им как “канцеляризмы”. <...> За нападками Барона Брамбеуса на “сих и оных” стояла определенная языковая программа: Сенковский считал, что стилистическим фундаментом литературной речи должна стать светская “разговорность”, равно чуждая и книжно-славянской традиции, и народному просторечию, но применяющаяся к языковым вкусам образованного провинциального дворянства и городского чиновничества <...>» [3, с. 253–254]. В тесной связи с критикой архаичных местоимений была у Сенковского в «Письме...» критика авторов, которые «нагружают свои предложения бесконечными причастиями, местоимениями, наречиями, прилагательными» (с. 75).

⁹³ О полемике по поводу призывов Сенковского отказаться от устаревших местоимений, в которой приняли участие Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, Н.И. Надеждин, В.Г. Белинский и др., см.: [8, с. 352–360].

⁹⁴ Лобойко ошибается. Булгарин был очень заинтересован в продвижении по лестнице чинов, поскольку у него, в отличие от Сенковского, не было солидной службы и только высокий чин мог обеспечить ему уважение в быту (он вышел в отставку с чином действительного статского советника). См.: [6]. Обогащения Сенковский и Булгарин желали, разумеется, как и другие литераторы и ученые, но двигали ими прежде всего творческие и идейные мотивы.

Литература

1. Базанов В.Г. Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964. 463 с.
2. Жуковская Т.Н. «Дело профессоров» 1821 г. в Санкт-Петербургском университете: новые интерпретации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2019. Т. 161, кн. 2–3. С. 96–111. DOI: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.96-111
3. Кошелев В.А. Пушкин, Барон Брамбеус и «полячка младая» // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2016. Вып. 32. С. 253–262.
4. Лобойко И.Н. Мои воспоминания; Мои записки / вступ. ст., подгот. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 323 с.
5. Проницева К.В., Рейтблат А.И. Воспоминания И.Н. Лобойко во вновь обретенном его архиве // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 00–00. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-00-00>
6. Рейтблат А.И. Булгаринские службы // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 155–175. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-155-175>
7. Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 632 с.
8. Чанаева Л.Г. Споры о местоимениях сей и оный как факт истории русской культуры и литературного языка XVIII–XIX вв. // Slověne. 2017. № 2. С. 347–364.
9. Ambroziak D. «Każdy baron ma swoją fantazję». Józef Sękowski — Polak z pochodzenia, Rosjanin z wyboru. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2007. 166 S.

Research Article and Publication of Archival Documents

I.N. Loboyko's Memories of Bulgarin and Senkovsky

© 2026. Abram I. Reitblat
New Literary Review,
Moscow, Russia

Abstract: This publication presents chapters from an unpublished edition of the memoirs of historian and philologist Ivan Nikolaevich Loboyko (1786–1861),

a professor at Vilnius University, dedicated to two major literary figures of the first half of the 19th century: the writers and journalists Faddey Bulgarin and Osip Senkovsky. Compared to Loboiko's published memoirs, these later essays (1858–1861) are significantly more detailed, contain new information, and convey the author's revised assessments of his literary colleagues. Loboiko writes about the academic, teaching, and, to some extent, diplomatic environment he was familiar with, recalling details of the literary life of St. Petersburg, primarily in the 1820s. The publication is provided with the necessary historical and literary notes.

Keywords: memoirs, I.N. Loboiko, F.V. Bulgarin, O.I. Senkovsky, writer's biography, literary life in Russia in the first half of the 19th century, archival documents.

Information about the author: Abram I. Reitblat, PhD in Pedagogy, Editor, "New Literary Review" Publishing House, Tverskoy Blvd., 13, 123104 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4957-7401>

E-mail: reitblat@nlobooks.ru

For citation: Reitblat, A.I. "I.N. Loboiko's Memories of Bulgarin and Senkovsky." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 39–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-39-613-39-61>

References

1. Bazanov, V.G. *Uchenaia Respublika [The Academic Republic]*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 463 p. (In Russ.)
2. Zhukovskaia, T.N. "‘Delo professorov’ 1821 g. v Sankt-Peterburgskom universitete: novye interpretatsii" ["The Case of Professors in 1821 at St. Petersburg University: New Interpretations"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, vol. 161, book 2–3, 2019, pp. 96–111. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.2-3.96-111> (In Russ.)
3. Koshelev, V.A. "Pushkin, Baron Brambeus i 'poliachka mladaia'." ["Pushkin, Baron Brambeus, and the 'Young Polish Woman'."] *Vremennik Pushkinskoi komissii [Periodical of the Pushkin Commission]*, issue 32. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016, pp. 253–262. (In Russ.)
4. Loboiko, I.N. *Moi vospominaniia. Moi zapiski [My Memories. My Notes]*, introd. article, prep. and comm. by A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 323 p. (In Russ.)
5. Pronitcheva, K.V., and A.I. Reitblat. "Vospominaniia I.N. Loboiko vo vnov' obretennom ego archive" ["I.N. Loboiko's Memories of Bulgarin and Senkovsky"]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 00–00. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-00-00> (In Russ.)
6. Reitblat, A.I. "Bulgarinskie sluzhby" ["Bulgarin's Services"]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 155–175. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-155-175> (In Russ.)
7. Reitblat, A.I. *Faddei Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsul'tant sekretnoi politzii: stat'i i materialy [Faddey Venediktovich Bulgarin: Ideologist, Journal-*

ist, Consultant of the Secret Police: Articles and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 632 p. (In Russ.)

8. Chapaeva, L.G. “Spory o mestoimeniiakh sei i onyi kak fakt istorii russkoi kul’tury i literaturnogo iazyka XVIII–XIX vv.” [“Disputes over the Pronouns *Sei* and *Onyi* (Russian ‘This One’ and ‘That One’) in the History of Russian Culture and Standard Language in the 18th–19th Centuries”]. *Slověne*, no. 2, 2017, pp. 347–364. (In Russ.)

9. Ambroziak, Daria. “*Każdy baron ma swoją fantazję.*” *Józef Sękowski — Polak z pochodzenia, Rosjanin z wyboru*. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2007. 166 S. (In Polish)

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025

Одобрена после рецензирования: 10.12.2025

Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 19.11.2025

Approved after reviewing: 10.12.2025

Date of publication: 25.03.2026